

В поместье Тамия завтрак и ужин делился пополам.

Семья заведовала охранной компанией, поэтому они подавали пищу для сотрудников, живущих в доме. Они ели сначала перед тем, как отправлялись на работу, и затем, когда возвращались.

Ныне было шесть часов вечера, время первого ужина.

Японская еда, приготовленная Кодзи и теми, у кого был выходной, лежала на обеденных столах, выставленных в главном зале.

У верхнего края стола сидели те, кто только что вернулся со смены, и на паре этих столов стояло пиво. Все три центральных почетных места оставались свободными, тогда как на двух сиденьях слева от них сидели Кодзи и Рёко.

Кодзи ужинал позже, поэтому он пожевал немного бобов, отпил немного чая и вздохнул.

Рёко ела на этом раннем ужине, поэтому весело качалась взад-вперед, тыкая в еду на своей тарелке.

Наблюдая за тем, как старшая сестра поела свою порцию, Кодзи не удержался от комментария:

— Сегодня определенно спокойно.

Он перевел взгляд в сторону тех, кто сидел за столами.

В данный момент их было 51, и в большинстве своем там оказались сотрудники дневной смены или те, у кого сегодня был выходной. Если добавить тех, кто сейчас отправился на ночную смену, в доме находилось в общей сложности 77 человек.

Он глянул на них, на свою сестру, и медленно проговорил.

— Прошу всех потерпеть еще три дня. К тому времени вернуться отец и мать.

Как только все с облегчением вздохнули, плечи Рёко слегка приподнялись.

— Простите, но наши родители недавно звонили. Они сказали, что им приглянулись горячие источники, на которых они остановились на пути назад, так что они хотят, чтобы мы прислали им ту доску для серфинга. Ну, знаете, ту, которую они купили в прошлом году. Вот, тут адрес гостиницы, и дата их возвращения.

Она вытащила записку из рукава кимоно и передала её Кодзи. Выражение лица Кодзи затянуло тучами.

— Они не вернутся до следующей недели?

— Я сказала что-то не то? — спросила Рёко.

— Нет, тебя не в чем обвинить. Это все равно как обвинять само существование ядерной энергии.

— Кодзи, постарайся не упоминать ядерную энергию. Глянь, Шиге-сан ухватился за голову и задрожал.

— Прости, прости. Эй, кто-нибудь может принести его книгу по Марксизму?

Когда с этим покончили, и ужин возобновился, Кодзи снова вздохнул.

— Кстати говоря, я слышал той ночью, когда ты стояла запертой снаружи, ненадолго остановился Ацута-сан.

— Ага, остановился. Мы немного поболтали. Откуда ты знаешь?

— Я встретил его вчера, и он об этом упомянул, — Кодзи нахмурился. — Но, как я понимаю, ты рассказала ему о молодом господине.

— Рассказала. С чего ты об этом вспомнил? Молодой господин больше не расстроен, так что ничего, если я о нем говорю, разве нет?

Лицо Кодзи побледнело.

— Сестра, ты знаешь, почему Ацута-сан проезжал мимо нашего дома?

— Просто случайность, да? Он сам так сказал.

— Как ты к нему относишься?

— Кажись, он хороший парень, — она наклонила голову, тогда как бледное лицо Кодзи напряглось. — Когда мы играли в патинко в наши школьные дни, он одалживал мне шарики. И еще он хорошо попадал в слоты. А когда он отправлялся в одиночку, то приносил мне подарки. Это обычно были печенья или другие сладости.

— Он пытался подкупить тебя едой. ...В общем, как и в былые времена, не рассказывай никому о молодом господине.

— Э? Так неинтересно. Мне нужно похвастаться о нем соседям.

— Но ты и так помогаешь соседям и работаешь в местном самоуправлении.

— Перестань со мной спорить.

Как только Рёко начала наигранно плакать, раздался звук от ее правого локтя.

Кодзи глянул туда и обнаружил, что она опрокинула свою чашку, и по столу разлился чай.

— Ой, — сказала она.

— Сестра, — произнес Кодзи, с холодным взглядом.

— Н-на этот раз я не виновата. Стой, не тащи меня снова за дверь. Аай, Кодзи! Почему ты тянешь меня за ухо?!

Не обращая на нее внимания, Кодзи встал, по-прежнему держа ее ухо между пальцами, и окинул взглядом остальных.

— Прощу нас извинить. Можете продолжать трапезу.

— Ай-ай-ай-ай! Стой, Кодзи! Народ, помогите! Я президент компании!

— Да, да. Мы все знаем, насколько ты важна, сестра. Теперь, пойдем на улицу. ...Прошу, не обращайтесь на это внимания. Это семейная проблема.

— Н-ну же! Если вы будете относиться к предизентше так сурово, произойдет убийство!

— Это убийство произойдет во вторник в девять вечера, и будет раскрыто к одиннадцати. Всё будет хорошо.

— Неправильно! Оно будет раскрыто в 10:45! Ай-ай-ай-ай!! П-погоди! Кто, по-твоему, платит тебе зарплату?

— Маса-сан из бухгалтерии.

— Масааа! Почему ты подкупаешь людей?!

Этот возглас не встретил реакции, когда открылась и закрылась раздвижная дверь. Родственники и их голоса вскоре растворились в коридоре.

Несколько человек молча вытерли разлитый чай и продолжили ужин.

Синдзё находилась в Окутаме.

К этому времени практически полностью потемнело. Её часы показывали 6:30 вечера.

Чтобы добраться до города, достаточно было сесть на автобус ИАИ, но она решила пройтись. Девушка выбрала длинный путь, занявший у неё около двух часов.

Сев на автобус, она могла натолкнуться на Саяму.

Это еще одна причина, по которой Синдзё отправилась в город.

— Я не знаю, куда мне идти, — пробормотала она.

В данный момент девушка находилась на территории Храма Хикава рядом со Станцией Окутама. Если покинуть станцию, миновать окружную и перейти перекресток — храм окажется прямо перед глазами.

Автобус проезжал через этот район, но святыня располагалась рядом с ниспадающим горным ручьем на нижнем уровне.

С транспорта, пересекающего дорогу сверху, виднелась лишь храмовая крыша.

Синдзё сидела перед храмом на каменной ступеньке, холодной от вечернего воздуха.

В такой поздний час уже не видно гуляющих детей, и её кожу щипала прохлада.

Она просчитала, что Саяма как раз должен выехать из UCAT и вернуться в школьное общежитие.

Он ужинал в восемь, поэтому в такое время всегда возвращался.

Единственным исключением было, когда он встречал в UCAT Синдзё Садаме и ужинал там.

Но поскольку она в данный момент была здесь, он определенно вернется в школу к восьми.

— ...

На путешествие от Окутамы до Акигавы уходило полтора часа автобусом и поездом.

Чтобы вернуться к восьми, ему придется двинуться на Станцию Окутама из UCAT сразу после шести.

Ранее, она видела крышу автобуса ИАИ, проезжающего по верхней дороге. Он держал путь на север, в сторону станции. Скорее всего, это и был автобус, на который сядет Саяма. Когда проедет следующий, девушка вернется в UCAT.

— Давно уже я не спала в UCAT.

Комната для отдыха в UCAT была «домом» Синдзё.

Но сейчас там почти ничего не осталось.

— Сецу взял всё вместе с ним.

Синдзё обняла собственное тело, окунувшись в раздумья. Она думала о том, как ей не хочется видеть Саяму, и о том, что сказал Касима.

— Что же я выберу?..

В своих размышлениях она нагнулась вперед. Положила подборок на приподнятые колени и обеими руками смахнула песок с каменных ступеней.

И затем, она кое-что осознала.

...Я хочу выбрать, но я этого боюсь.

Продолжит ли она свою ложь, или остановится?

— Это меня пугает...

Синдзё подняла голову с колен и вздохнула.

Неожиданно, по дороге сверху проехал автобус.

Это автобус ИАИ. Как раз в него и сел Саяма?

— Если так, он поедет на станцию.

Автобус остановился.

— И он выйдет наружу.

Синдзё припомнила проворные действия Саямы. После высадки из автобуса он доберется до станции за пару секунд. Нарисовав эту сцену в голове, она горько улыбнулась и пробормотала себе под нос:

— Это прощание, не так ли?

Девушка встала, отряхнулась сзади, снова оглянулась, и осознала, как сгустилась темнота.

Единственный свет исходил от храмовых ламп.

Синдзё двинулась вперед. Омываемая легким ночным ветерком, она молча спустилась по каменной лестнице, покинула храмовую площадь, и поднялась на склон рядом с ней.

На пути к выходу из святилища девушка услышала свист поезда, покидающего станцию.

За наружными фонарями, она увидела линию огней, быстро пересекающих горную темень. Двигаясь дальше по возвышенности, поезд направлялся на восток к Токио.

Саяма, скорее всего, был на этом поезде.

...Он уехал, даже не подозревая, что я здесь.

И эта мысль вызвала кое-что другое.

— Ммм... — простонала она.

По какой-то причине, Синдзё неожиданно остановилась, и за ее губами собралась сила.

— Что я...

Что я делаю? — Запоздало подумала она.

Девушка вспомнила, чем занималась весь день.

...Тогда как он все это время меня искал.

— Я убегая, потому что слишком боюсь ответа, который могу получить...

Эта мысль, похоже, больно ударила в голову. В животе появилась тяжесть, а зор помутнел.

Она ощутила, как в уголках её глаз скапливается тепло, выдала еще один тихий стон и вытерла глаза о рукав.

Скользнув на него после этого взглядом, Синдзё поняла, что её глаза немного размокли.

Почему они размокли?

Ах, я совершенно безнадежна, — подумала она, осознав почему.

Девушка сдерживала в своем сердце нечто тяжелое.

— И в то же время, я избегаю Саяму-куна.

Она не пыталась с ним поговорить.

Перед залами для тренировок Касима сказал ей выбрать, но Саяма уже ушел.

— И все потому, что я солгала... и сбежала.

На этих словах необъяснимое чувство сдавило её грудь и начало разрастаться.

Синдзё не могла его стерпеть, поэтому двинулась под громадный кедр у входа в храм.

— Почему же я так опасалась Саяму-куна, что выбрала мою ложь?

Словно в ответ на болезненное чувство, рвущееся изнутри, с её глаз полились слезы.

С её губ сорвался всхлип, и она лихорадочно вытерла глаза об рукав куртки.

Но слёзы лились снова и снова, и она не могла за ними поспевать.

Ей ничего не оставалось, кроме как приложить рукав к глазам, и прикрыть лицо.

И будто в ответ на затемнение её взора, последовала дрожь в плечах и беспорядочное дыхание.

Синдзё рыдала.

Она начала кашлять, и, не в состоянии сложить слова, предалась мыслям.

...Саяма-кун. Я вправду хочу тебя увидеть.

Девушка подумала, какая же это сейчас глупая мысль, но когда помыслила о том, что он ушёл, с её губ наконец-то сорвался сиплый голос:

— Я хочу тебя увидеть.

...Вот о чем я действительно думаю.

Если она его увидит, что он ей скажет? Если он у нее что-нибудь спросит, как же она ответит?

Синдзё не знала. Она просто хотела его видеть. Это ее пугало, но она ничего не могла с собой поделать.

— Ах...

Слёзы не собирались останавливаться, а раз так, девушка отдалась своим рыданиям.

Пока желание его увидеть и знание, что она не может, смешивались между собой, Синдзё попыталась прислониться к стволу кедрового дерева.

Она хотела, чтобы что-нибудь её поддержало.

И...

— Синдзё-кун.

Голос, который она услышала, заставил её содрогнуться и задержать дыхание.

В своем заплаканном взоре Синдзё увидела парня и старика, освещаемых уличными фонарями.

Парень, сжимавший бутылку саке, приближался от тротуара перед храмом.

Синдзё насторожено подняла руки на уровень груди, но...

— Саяма-кун?

Она не попятилась. Лишь задала вопрос, переполняющий разум.

— Почему?

— Что за глупый вопрос, Синдзё-кун. Ты хотела меня видеть, разве нет? Не желаешь ли к нам присоединиться? Я направлялся на ужин в удивительное додзё захудалого Хиба-сенсея.

— Микото, мне кажется, ты перепутал описания меня и додзё.

— Сенсей, слушай внимательно. Внешность людей не играет роли. Гораздо важнее первое впечатление.

— Это то же самое, балбес.

Саяма пропустил мнение Рютецу мимо ушей и протянул правую руку к Синдзё.

Синдзё уставилась на его ладонь и сделала вдох. Ее дрожащие губы несколько раз шевельнулись, и она выдохнула:

— Почему ты здесь?..

— Потому что ты этого желала, и этого желал я, — сказал он, пока ветер колыхал его волосы,
— Если тебе больно, и я захочу тебя защитить — я встану на твою защиту. Если ты не желаешь одиночества, а я захочу с тобой общаться — я с тобой поговорю. Если ты решишь нести свои заботы самостоятельно, а я о тебе забочусь — я оставлю тебя в одиночестве. Если ты не желаешь быть здесь, а я желаю тебе только лучшего — я тебя возненавижу.

И...

— Если ты пожелаешь стать к кому-то ближе, а я это замечу — я тебя поддержу. — Он держал свою руку вытянутой в её сторону. — Как это звучит?

Но в ответ Синдзё не взяла его руку.

То, что, по её мнению, она потеряла, стояло теперь у нее перед глазами.

Этот факт развеял её страх. Девушка высвободила голос, расколовший ночное небо, и бросилась к нему в объятия.

— Ах!

Саяма решительно её поймал.

Все что она могла — проливать слёзы, прижиматься к его груди, и говорить.

— Я не хочу...

Синдзё вдыхала и произносила свои беспорядочные мысли.

— Я не хочу лгать...

Ее руки терлись о его костюм, рубашку и жилет, пока она к нему прижималась.

— Но...но...если ты узнаешь мою ложь... ты меня возненавидишь... я этого боюсь...

Она всхлипывала на каждом вдохе и выдохе.

— Сецу и я одинаково важны.

— Я знаю.

— Сецу такой же.

— Я знаю.

— Н-но Сецу продолжает доставлять тебе неприятности. Он не может быть с тобой, но все равно хочет.

Синдзё не знала, что ей делать.

— Я не знаю, как мне быть... Не знаю, и это меня пугает!!

— Вот как, — сказал Саяма, потянувшись руками ей за спину.

Поначалу он неуклюже её обнял, но затем выровнял свою хватку, приведя её в порядок.

Едва сила наполнила его руки, девушка услышала, как у её ног разбилась бутылка.

Старик сбоку выдал встревоженный крик, но они оба его проигнорировали.

— Я хочу быть с тобой...

Тяжелое дыхание Синдзё вонзалось ему в грудь, и слезы лились с её глаз.

— Я хочу быть с тобой...

Она чувствовала, что Саяма кивнул.

Но он не сказал ничего в ответ. Лишь слегка похлопал левой рукой по спине. Он раз за разом повторял это действие, будто говоря ей успокоиться.

И по какой-то причине Синдзё ощутила, как ее тело покидает излишняя сила. Она слегка ослабила на нем свою хватку, и её слезы замедлились. Должно быть, в его похлопывании было нечто ностальгическое.

Оно напоминало тоску по части её забытого прошлого.

В ухе, прижатым к его груди, девушка слышала его пульс.

Звук был немного ускоренным, но все равно спокойным.

Синдзё поровняла своё дыхание с его и еще больше расслабилась.

Она выбилась из сил.

Из глубины её тела поднималось изнеможение. Внезапное чувство усталости, похоже,

заполнило суть ее сознания.

— Прости. Я всегда лишь причиняю тебе беспокойство...

Его ответ пришел только после этой фразы.

Саяма уверенно кивнул и проговорил:

— Это не так.

Так же, как и в прошлом, он отрицал ее слова. Она не знала, как на это ответить.

Ей следует улыбнуться, или покачать головой?

Прежде чем прийти ответу, она потеряла сознание в его руках и опрокинулась вниз.

Несколько больших машин заполняли обширное белое пространство.

Это было 3-е Производственное Помещение. Перед большим, плоским рабочим столом в центре комнаты находился одинокий раскаленный меч.

Он имел толстое лезвие свыше двух с половиной метров длиной.

Его именовали Фуцуно.

Меч раскололся пополам. Эфес и лезвие были сломаны и разделены.

Такой урон вызвало происшествие во время эксперимента.

Перед разломанной формой Фуцуно стоял человек, одетый в рабочую форму.

Это Касима.

Но мужчина направил взгляд скорее вперед, а не на Фуцуно. Он повернулся ко входу 3-го Производственного Помещения.

Касима глядел на пять молодых людей в идентичной одежде.

— Ну что ж, — обратился он к ним. — Мы закончили первый этап восстановления. Его больше не нужно отбивать зубилом, так что теперь мы снова высечем имя, которое меч потерял, когда был сломан.

Пухлый молодой человек с короткой стрижкой задал вопрос:

— Заведующий, у нас есть остов для Облаченного Меча, но когда мы сделаем обтекатель, чтобы контролировать и направлять его силу?

— Замечательный вопрос, Катори. Но для Фуцуно он нам не нужен.

У всех остальных сперло дыхание.

— Но подобное концептуальное оружие будет слишком опасным.

— Опасность определяется тем, кто его использует. Когда отбирают чью-то жизнь, вы обвиняете оружие?

Один из ассистентов начал движение к Касиме.

Молодого человека звали Миками, и у него в глазах стоял пронзительный взгляд.

— Я против всего того, что здесь происходит.

— Против? Почему?

Касима небрежно кивнул в сторону Миками, и молодой человек нахмурил брови.

— Тобой движет высокомерие. Ты полагаешь, что мы на стороне справедливости, и для нас приемлемо носить разрушительное оружие.

— Ну надо же. Какие громкие слова, — сказал Касима саркастичным тоном.

Миками в тот же миг бросил на него сердитый взгляд.

Но он быстро повернулся к Фуцуно и заговорил.

— В зависимости от того, кто его использует, могущественное оружие может стать инструментом для убийства.

— Хм. Полагаю, что так, — Касима расслабил плечи. — Но что если оружие, которое ты создал, не остановит нашего врага?

— Ну...

— Что ты тогда будешь делать? Винить в этом оружие? Разумеется нет. Вина лежит на нас — тех, кто создал это непригодное оружие.

Остальные вздохнули, когда Касима сказал «нас».

Пока они на него смотрели, он опустил взгляд на безымянный палец и мизинец собственной левой руки.

— Слова может, и громкие, но в этом есть справедливость.

— Где?!

— В доверии. Но не в доверии силе оружия. А в доверии между тем, кто его создал, и тем, кто его носит. К примеру, Ацута мне пообещал, что не будет убивать.

— ...

— Мечи это мечи, а люди это люди. Оружие существует, чтобы исполнить свою роль оружия. Разве я не прав? — Он перевел дух. — Не бойтесь своей силы, не бойтесь своего оружия, и не гордитесь сверх меры ни тем, ни другим. Мы создаем оружие. Наши мысли передаются клинкам и достигают тех, кто их носит. Поэтому соберите свои убеждения, выковывая меч, и передайте его тому, кому можете доверять. Если вы это сделаете, они продемонстрируют только ту силу, которую вы захотите.

Касима отступил назад, наклонившись к Фуцуно и мерцающему жару, который он выпускал.

Затем, мужчина глянул на Миками и остальных.

Кивнув, он перевел взгляд на скопление машин за их спинами.

Там находились станки и термостойкое оборудование, которое они перенесли из 2-го Производственного Помещения.

Заметив взгляд Касимы, Катори озадаченно наклонил голову.

— Какие-то проблемы?

Его голос слегка дрожал. Это была слабая дрожь, и он потупил взгляд.

Но Касима проигнорировал это дрожание и эмоции. Он ответил, как ни в чем не бывало:

— Зачем все это оборудование? Только не говорите, что собираетесь использовать его на Фуцуно.

— Но, чтобы работать над высокотемпературным остовом, нам нужно...

Слова Катори прервал небольшой смешок.

Он раздался не от Касимы. Горький смешок пришел из-за его спины.

Плечи Касимы поникли, и он обернулся.

Перед белой установкой, на которой закалялся металл, стоял пожилой сотрудник.

Одноглазый мужчина повернул к Касиме помрачневшее лицо.

— Всё правильно, Касима. Ты должен научить их с нуля. Эти ребята начали путь кузнеца мечей с интеллектуальной точки зрения.

— Что за напасть. ...Так, ладно, вы все имеете понимание о собственном имени?

Глядя на молодых людей, Касима приложил ладонь к клинку Фуцуно.

Металлическая масса раскалилась добела, и над ней мерцал воздух.

Пять человек перед его глазами разом ахнули. Но...

— Ничего не произошло? — с побледневшим лицом спросил Миками.

Касима кивнул.

Как и сказал Миками, левая рука Касимы не пострадала от высокой температуры клинка.

— Мы боги мечей, оружейные боги, и кузнечные боги. Нам не может причинить вред то, что нам предназначено использовать. С металлическим блоком, который следует превратить в клинок, вам не нужно ничего, кроме кокиля и кузнечного зубила. Вообще, даже этого

многовато. Чем больше вы работаете с ненужными инструментами, тем сложнее вам будет общаться с металлом.

Касима подхватил сломанный эфес Фуцуно.

Он поднял его вверх, покрутил вокруг, и протянул рукоять к пятерке человек.

— Если вы доверяете своему имени достаточно, чтобы к этому прикоснуться, то можете помочь с работой над Фуцуно. Хорошо?

<http://tl.rulate.ru/book/95927/3275220>